

Г. С. Зеленина^{ab}

<https://orcid.org/0000-0001-9411-4102>

✉ galinazelenina@gmail.com

^a Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова (Россия, Москва)

^b Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
(Россия, Москва)

Книжник Соломон Дольник: сионист между сионистами

Аннотация. Статья посвящена биографии и автобиографиям еврейского активиста в Советском Союзе Соломона Борисовича Дольника (1901–1986), практически в одиночку занимавшегося подпольным сионистским самиздатом в 1960–1966 гг. и осужденного за «антисоветскую агитацию и пропаганду» на четыре года лагерей. Рассматриваются как спорные моменты в биографии Дольника — в каких отношениях он был с другими активистами, за что именно был осужден, чем объясняется не слишком радушный прием, оказанный ему в Израиле, — так и особенности его автоконцепции и автобиографического письма. Значение статьи прежде всего в освещении забытой фигуры, в восстановлении еще одной страницы из истории еврейского движения в СССР, начало которого традиционно относят к более позднему времени; кроме того, делается ряд наблюдений о мировоззрении Дольника, применимых и к другим национально ориентированным советским евреям, и об особенностях конструирования автобиографического нарратива.

Ключевые слова: автобиография, антисемитизм, еврейское национальное движение, Израиль, исправительно-трудовой лагерь, отказники, самиздат, сионизм, советское еврейство

Благодарности. Статья подготовлена в рамках научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Автор благодарит анонимного рецензента за ценные комментарии.

Для цитирования: Зеленина Г. С. Книжник Соломон Дольник: сионист между сионистами // Шаги/Steps. Т. 11. № 2. 2025. С. 48–75. EDN: EHYHSR.

Поступило 30 ноября 2024 г.; принято 26 марта 2025 г.

G. S. Zelenina^{ab}

<https://orcid.org/0000-0001-9411-4102>

✉ galinazelenina@gmail.com

^a *Lomonosov Moscow State University
(Russia, Moscow)*

^b *The Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration
(Russia, Moscow)*

BOOKMAN SOLOMON DOLNIK: A ZIONIST BETWEEN ZIONISTS

Abstract. The article examines the life-story and autobiographical writing of Solomon Borisovich Dolnik (1901–1986), a Jewish activist in the Soviet Union who practically single-handedly engaged in underground Zionist samizdat during 1960–1966 and was sentenced to four years in a labor camp for “anti-Soviet agitation and propaganda.” The article examines both the controversial aspects of Dolnik’s biography — his relationship with other activists before and after his trial, the actual reasons for his conviction, the background for the uncordial reception he received in Israel — and the idiosyncrasies of his conception of himself and his life writing. The article is primarily intended to highlight a forgotten historical figure, restoring another page in the history of the Jewish national movement in the USSR, the beginning of which, due to the almost complete replacement of the activist cohorts, is usually attributed to a later period. In addition, some observations are made as to how Dolnik (and this might be applicable to other Zionists of his generation) assessed the Jewish destiny in the USSR, the disposition of his fellow Jews, the abilities and determination of Jewish youth and activists among them. Another focus of the paper is the way Dolnik has constructed his autobiographies as both a manifesto, a polemics, an accusation, and an auto-apology.

Keywords: autobiography, antisemitism, corrective labor camp, Israel, Jewish national movement, refuseniks, samizdat, Soviet Jewry, Zionism

Acknowledgements. The article was written on the basis of the RANEPa state assignment research program.

The author is grateful to the anonymous reviewer for their suggestions.

To cite this article: Zelenina, G. S. (2025). Bookman Solomon Dolnik: A Zionist between Zionists. *Shagi / Steps*, 11(2), 48–75. EDN: EHYHSR. (In Russian).

Received November 30, 2024; accepted March 26, 2025

Наблюдателей и историографов позднесоветского еврейского движения неизменно интересовал вопрос о точке отсчета: когда будущие активисты стали осознавать себя евреями евреями как таковыми или евреями *par excellence*? Когда для них лично закончился социалистический проект, окончательно разочаровал в себе выбор Годл¹, если использовать персонификацию советского еврейского пути, предложенную Юрием Слѣзкиным [2005], и начался «путь в Израиль», как в 1973 г. назвал свой конкурс автобиографических эссе Центр по исследованию и документации восточноевропейского еврейства при Еврейском университете в Иерусалиме? Какие факторы пробудили малые группки советских евреев к сионизму, и кто были эти первые сионисты?

Отвечавшие на этот вопрос в своих интервью или воспоминаниях² в качестве таких факторов называли опыт пребывания под немецкой оккупацией (коллаборационизм и антисемитизм местного населения), «дело врачей», образование Государства Израиль, контакты с израильской делегацией на Фестивале молодежи и студентов 1957 г., но прежде всего победу Израиля в Шестидневной войне 1967 г. Эта версия отвечала ожиданиям израильских интервьюеров, публикаторов и исследователей³, которым было свойственно обращать внимание прежде всего на израильские следы в истории еврейского движения в СССР⁴. Влияние Шестидневной войны на рост националистических настроений замечали и наблюдатели из компетентных органов: «Анализ имеющихся материалов показывает, что активность еврейских националистов особенно возросла после израильской агрессии против арабских стран в 1967 году» [Казаков 1974: 175]⁵. На других основаниях, но в полном соответствии с представлением о Шестидневной войне как катализаторе, начало еврейского движения

¹ Годл — одна из пяти дочерей Тевье-молочника, марксистка, вышедшая замуж за революционера Перчика и отправившаяся за ним в сибирскую ссылку.

² От рефлексий над собственной идентичностью, заказанных редакторами еврейского самиздата в 1970-е годы (например: [Богораз 1974; Клячкин 1974]), до многочисленных интервью с экс-активистами движения, взятых уже в постсоветское время (например: [Кошаровский 2007]), а также мемуаров и активистов, и просто эмигрантов, написанных в разное время ([Житницкий 1974; Рубин 1977; Тумерман 1977; Бадрицкий б. д.; Нудель б. д.; Беленький б. д.] и мн. др.).

³ «Шестидневная война привела к глубоким изменениям в жизни евреев Советского Союза», — гласило предисловие «От редакции» к большинству сборников «Еврейский самиздат», выпускавшихся Центром по исследованию и документации восточноевропейского еврейства в 1974–1992 гг.

⁴ Так, израильский историк советского еврейства Яков Рои в своих интервью с людьми, в той или иной степени занимавшимися подпольной еврейской деятельностью в 1940–1960-е годы, спрашивает их преимущественно об израильском влиянии на их взгляды и действия, о встречах с Голдой Меир, с израильскими спортсменами, с израильтянами на Фестивале молодежи и студентов, о посещении концертов певицы Геулы Гиль и пианистки Пнины Зальцман, о связях с посольством и о том, какое значение для них имели эти встречи и контакты [Интервью Яакова Рои].

⁵ Или — на праздник Симхат-Тора возле хоральной синагоги «отдельные подстрекатели» кричали: «Да здравствует Даян!», «Нам бы автоматы в руки и в Израиль!» (Записка КГБ в ЦК КПСС об осенних еврейских праздниках. 17.11.1967. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 59. Д. 19. Л. 133; цит. по: [Морозов 1998: 60]).

действительно принято относить к концу 1960-х годов. Однако некоторые авторитетные голоса пытались оспорить эту датировку; так, известный отказник, фигурант ленинградского «самолетного дела» Иосиф Менделевич писал, что даже на его памяти движение уже существовало в начале 1960-х, а «по сути, как минимум с возникновения государства. Если не так, то выпадают ведущие борцы, как Драбкин, Шифрин, Словин и др. Это надо поправить» [Менделевич б. д.]. Упомянутый Менделевичем рижский активист Борис Словин, отвечая в интервью на вопрос о появлении еврейского самиздата, подтверждает собственными воспоминаниями, что еврейская подпольная деятельность имела место «как минимум с возникновения государства», а главное, указывает на субъективность любых более поздних датировок:

...постановка вопроса о том, как это (еврейский самиздат. — Г. З.) зародилось, — постановка вопроса совершенно неправильная. Я вернусь к 1948 году <...> и наверняка мог бы вернуться к более раннему сроку, но дело в том, что мне в 1948 году было только 15 лет <...> И если, например, сейчас многие относят зарождение русского еврейского самиздата к 1957 году <...> или к 1966 году, то это просто связано с их личным участием, а не с самиздатом [Авербух 1978–1979].

Личная память активистов 1970–1980-х, сформировавшая коллективную и историческую память о еврейском движении в СССР, не охватывала подпольщиков предыдущих десятилетий, которые в начале 1970-х, к моменту выхода на сцену нового поколения, были либо в лагерях, либо уже в Израиле. Одним из таких полузабытых межуточных сионистов, попавших в ущелье забвения между сионистами 1920-х годов и активистами 1970-х, был Соломон Борисович Дольник (1901–1986), в 1960-е годы — московский самиздатель и своего рода культуртрегер, собравший вокруг себя соратников или просто потребителей своей нелегальной продукции. Дольник тоже столь же упорно, сколь и тщетно полемизировал с увязыванием еврейского движения в СССР с Шестидневной войной, отстаивая честь советского еврейства в своем лице и лице своих товарищей. В частности, комментируя статью из русскоязычной израильской газеты [Еврейский самиздат 1974], начинающую историю советского еврейского самиздата с 1970-х годов⁶, он писал: «Следует отметить, что зарождение подпольного сионистского движения зародилось еще до шестидневной [sic!] войны. Сознательная часть евреев <...> твердо стояла за национальные интересы» [Dolnik 1972–1977 (1.2): 1]⁷.

Имя Дольника несколько раз упоминается в интервью еврейских активистов и в лагерных мемуарах, но сведения о его личности и деятельности крайне немногочисленны, несоразмерны его биографии (относятся

⁶ С изданий «Итон алеф» и «Итон бет» (Рига, 1970).

⁷ Здесь и далее цитаты приводятся с сохранением оригинальных орфографии и пунктуации.

преимущественно к периоду его взаимодействия с пенитенциарной системой) и если не недостоверны, то по меньшей мере не верифицируемы.

Солагерник Дольника по Мордовлагу поэт и переводчик Александр Петров-Агатов отзывался о нем с большой симпатией, восхищаясь как его человеческими качествами, так и преданностью своему народу:

Дольник в этом смысле был настоящим евреем. Он считал за честь принадлежать к своей нации, бескомпромиссно относился к предателям своего народа типа Эренбурга и Маршака. Жил мечтой о переезде в Израиль, накопил уйму печатного материала об убийцах евреев, об антисемитизме в целом, отлично знал историю своего народа. Это вызвало во мне уважение к Дольнику и я с ним, несмотря на разность мировоззрений, был в приятельских отношениях. К тому же Соломон Борисович был человеком добрым и в тяжелые минуты всегда приходил на помощь:

— У вас нет белья? Нате. — И он совал новую рубу.

— Только что получил посылку. Дайте пустой стакан... Я вас хочу угостить...

<...> К сожалению, не о всех русских я могу сказать то, что говорю о Соломоне Борисовиче [Петров-Агатов 1972: 66].

Фотограф Михаил (Михаэль) Маргулис в своих мемуарах «Еврейская камера Лубянки», также призванных «оставить память» о «старшем поколении сионистов» и о себе как «участнике и свидетеле» «пробуждения еврейского национального движения» [Маргулис 1996: 12], рисует более подробный и более неоднозначный портрет Дольника. Он представляет его членом подпольного кружка Эзры Моргулиса, описывая его роль как служебную: «...все технические “дела”, связанные с распространением и печатью материалов кружка Эзры Моргулиса, выполнял инженер-геодезист Соломон Дольник». Себя он называет правопреемником Моргулиса и Дольника, продолжившим их дело после смерти первого и ареста второго: полученные им в «старом чемодане» материалы Моргулиса и Дольника «стали базой нелегального архива московского еврейского самиздата и пополнялись мною до осени 1971 года, когда мы с Нэрой уехали в Израиль. В конце 60-х годов я, видимо, был “монополистом” в изготовлении географических карт Израиля. Соломон Дольник, член кружка Эзры Моргулиса, передал мне первый экземпляр карты...» Маргулис признает «большой вклад [Дольника] в создание еврейского самиздата» и благожелательно соглашается «оценивать положительно» его «сионистскую деятельность» вплоть до ареста в 1966 г., после которого, по утверждению Маргулиса, Дольник «сломался» и дал показания на своих товарищей; в частности, Маргулис описывает собственную очную ставку с Дольником, на которой он сам отрицал знакомство с ним, Дольник же якобы изобличал Маргулиса как израильского шпиона. «Сегодня, спустя тридцать лет после ареста Дольника, — рассуждает Маргулис в 1996 г., — я прихожу к выводу, что это была провокация КГБ с целью испортить отношения между Россией и Израилем перед Шестидневной войной, которую гото-

вили арабы при поддержке советских властей» [Маргулис 1996: 136, 148, 159–161, 161–162]. (Органы знали о контактах Дольника с израильскими дипломатами, и во время следствия над ним, в августе 1966 г., из СССР был выслан второй секретарь израильского посольства Давид Гавиш.) Маргулис опубликовал свои воспоминания спустя не только тридцать лет после ареста Дольника, но и десять лет после его смерти — ответить на обвинения в недостойном поведении на следствии он уже не мог; версия же Маргулиса, чья книга, выложенная в Сети, легко доступна, утвердилась и тиражируется как в популярных статьях, так и в научных работах [Городецкая 2018; Костырченко 2012: 284]. Впрочем, Дольник успел высказаться превентивно, оставив целый корпус пересекающихся, отчасти дублирующихся мемуарных нарративов, к которым мы и обратимся для реконструирования его биографии и анализа конструирования им своей автобиографии [Дольник 1972; 1976; 1976–1977; Dolnik 1972–1977; Интервью 1975–1976].

Внемлющий «зову времени»: этапы биографии

Соломон Дольник родился в 1901 г. в местечке Рудня Могилевской губернии⁸. В семье, как подчеркивает Дольник во всех своих мемуарах, царили сионистские настроения: отец мечтал уехать в Палестину и делал жертвования в Керен каемет⁹, братья и сестра состояли в молодежных сионистских организациях: кто в Кадиме, кто в Цеирей Цион. Сам Дольник в 16 лет вступил в Кадиму и был ее членом два года, пока группу не разгромила «антисемитски настроенная молодежь» с помощью комсомольцев и бундовцев¹⁰ [Интервью 1975–1976]. В 1921 г. он вступил в Ге-Халуц в Витебске¹¹, а в 1923-м значительная часть витебской группы, включая его брата, нелегально покинула Советский Союз, и она стала распадаться. Младшая сестра и мать Соломона уехали в Палестину, отец умер [Dolnik 1972–1977 (1): 21]. Соломон не смог уехать в те годы, поскольку был в армии. Его деятельность в рамках еврейских организаций прекратилась: переехав в Невель, он потерял связь с халуцианцами, которых в это время начали преследовать: после массовых арестов и высылки в середине 1920-х с легальными сионистскими группами в СССР было покончено.

Образование Дольник получил в хедере, городском училище или гимназии (в этом отношении его рассказы в интервью и мемуарных очерках разнятся) и в военно-топографической школе, куда его как грамотного

⁸ Впоследствии город в Смоленской области.

⁹ Керен каемет ле-Исраэль — Еврейский национальный фонд, создан Всемирной сионистской организацией в 1901 г. ради покупки у арабов земель в Палестине под еврейские поселения.

¹⁰ Бунд — Всеобщий еврейский рабочий союз, социалистическая партия, выступавшая за еврейскую национально-культурную автономию в Восточной Европе и против эмиграции в Палестину.

¹¹ Ге-Халуц — международная сионистская организация, ставящая целью подготовку молодежи к переселению в Палестину и прежде всего к сельскохозяйственному труду.

направили на учебу из армии. Работая военным топографом в дивизионном штабе, он параллельно с военной службой в 1921–1923 гг. учился на землеустроительном факультете Витебского сельскохозяйственного института (на вечернем отделении). В конце 1925 г. Дольник демобилизовался. Он работал инженером-геодезистом, топографом, маркшейдером, в том числе в Полоцком окружном земельном отделе, потом в Воронеже, где участвовал в коллективизации и даже пережил покушение на свою жизнь. В 1931 г. он перебрался в Москву, но по долгу службы много времени проводил в разъездах по стране, в экспедициях, и полагал эту работу удачной с точки зрения собственной безопасности: «не был на глазах у кегебистов [sic!]

» [Интервью 1975–1976]. За долгие годы профессиональной деятельности предложил несколько изобретений и усовершенствований, которые, по всей видимости, не получили особого признания: изобрел прибор «Координатор» для составления планов по координатам (1935), составил «Таблицы контроля приращений» (1937), «Тахеометрические таблицы для вычисления высот» (1940) и «Таблицы вычисления неприступных расстояний» (1941). Он старался внедрить свои разработки, но «из-за бюрократической волокиты» это не удалось, а при аресте КГБ их конфисковал; до того он переправлял копии в Израиль, но они негодились и там — их «куда-то запрятали» [Dolnik 1972–1977 (1.2): б. паг.].

Во Вторую мировую войну служил на Забайкальском фронте, призванном защищать границу с Японией, в офицерском звании и в должности военного топографа.

В годы позднесталинского антисемитизма пострадал на службе, уже гражданской, впрочем, в разных автобиографических текстах этот эпизод датируется и подается по-разному. В короткой автобиографии, вклеенной в один из мемуарных сборников, Дольник рассказывает, что во время «дела врачей» на него завели дело о вредительстве, но с реабилитацией врачей оно было прекращено [Dolnik 1972–1977 (1.2): б. паг.]. В другом месте он относит эту историю уже к 1954 г., описывая ее как увольнение из ГИПРОВУЗа¹² вследствие интриг главного инженера-антисемита: Дольника уволили по «волчьей статье» — он будто бы не справился со служебным заданием, в действительности руководство симитировало эту ситуацию, не реагируя на его письма из командировки и пряча его отчеты; дела о вредительстве не было — он сам обратился в суд с жалобой на незаконное увольнение, прокурор вроде бы признал его правоту, но восстановиться на этой работе Дольнику так и не удалось [Там же (3): 56–61].

Не занимаясь прицельно и регулярно еврейским активизмом в 1930–1950-е годы, Дольник тем не менее всегда следил за еврейским вопросом и наблюдал за настроениями своих соплеменников и соотечественников. Он констатирует, что сионистского движения с середины 1920-х годов до создания Израиля в Советском Союзе не было [Интервью 1975–1976], и ему приходилось с горечью видеть, как советское еврейство «направилось

¹² Государственный институт по проектированию высших учебных заведений, подведомственный Министерству образования, существовал в 1947–1991 гг.

на путь ассимиляции», молчанием отвечало на проявления антисемитизма и демонстрировало (особенно молодежь) «безразличное отношение» к своему народу, его прошлому, культуре и т. п. Стараясь встречаться с евреями в разных городах, куда попадал по работе, Дольник видел, что они в национальном плане «инертны» [Интервью 1975–1976] и благодарны советской власти. В этих обстоятельствах он ощутил «зов времени» — «сплотиться и дать отпор юдофобам», «пробудить интерес к судьбе народа» [Dolnik 1972–1977 (1): 15–17].

После создания в 1948 г. Государства Израиль, по его наблюдениям, московские евреи вспомнили про синагогу и стали ходить туда как в клуб. Сам он всегда ходил в синагогу по праздникам и там же начал свои эксперименты по «сплочению» и «пробуждению интереса».

Целенаправленной еврейской деятельности, состоявшей в социализации в еврейской среде, обмене источниками информации о еврействе и Израиле и, наконец, изготовлении и распространении самиздата, Дольник посвятил себя при совпадении нескольких факторов: 1) возникновения убежденности в бесперспективности советского пути для евреев (после того, как в 1957 г. на Фестивале молодежи и студентов он увидел, как «простой народ» враждебно встречал израильскую делегацию, и решил, что, «прислушиваясь к голосам советских неофашистов», люди при первом удобном случае «не пожалеют свинца и газа повторить то, что сделали гитлеровцы» [Дольник 1976: 8]); 2) смягчения репрессивного режима по прошествии нескольких лет после смерти Сталина и уменьшения страха перед властями — как у него самого, так и у других евреев; 3) появления свободного времени. В 1956 г. Дольник вышел на пенсию полным сил (в 55 лет), попытался уехать в Израиль (где жили мать, сестра и брат) по вызовам от брата, но несколько раз получал отказ. Свои дни он стал посвящать деятельности, которая поначалу выглядела как досуг, — удовлетворению собственного интереса и потребности в общении, — но вскоре стала квалифицироваться им самим как национальная борьба. Он ходил в Ленинскую библиотеку, где читал зарубежную (польскую, французскую, американскую) прессу на идише и литературу по еврейской истории и делал выписки — создавал картотеку; стал чаще посещать хоральную синагогу, где искал общения с израильянами, в том числе с целью получить книги об Израиле: «Религиозные книги меня не интересовали. Советские евреи считали Израиль светским государством» [Dolnik 1972–1977 (1): 29]. Вскоре его деятельность обрела просветительский характер и форму протосамиздата. Он конспектировал передачи «Голоса Израиля»¹³, размножал свои записи в нескольких экземплярах и предлагал людям в хоральной синагоге — те в основном отказывались; когда же в самой синагоге или возле нее, на улице Архипова¹⁴, на праздники собиралось много народу, он, не спрашивая, незаметно подкладывал свои записи людям в

¹³ Израильская радиостанция, вела в том числе на советскую аудиторию на русском языке.

¹⁴ До 1960 и после 1993 г. — Большой Спасоглинищевский переулок.

карманы. Некоторые относили эти подметные письма в КГБ, и они фигурировали на следствии как вещественные доказательства развязанной Дольником «националистической агитации». Он радовался, что на улице Архипова, прежде всего на праздник Симхат-Тора, собирается много евреев и тем самым они «демонстрируют перед всем миром, что хотя советские евреи были оторваны от мирового еврейства, но суровые условия не выхолостили нашу национальную честь» [Там же: 29]. Близкими «контактами» с чужой одеждой Дольник не смущался, видя в этом не бесцеремонность, а то же отстаивание «национальной чести», борьбу за национальное выживание: как «еврейский националист и сионист» он «был заинтересован пробудить интерес к Израилю», показать, что «наш народ жив» [Там же: 28].

В его домашней библиотеке с прежних времен сохранилась еврейская литература (в частности, Еврейская энциклопедия, «История еврейского народа» Генриха Грецца); он делал новые приобретения у букинистов и предлагал знакомым брать книги почитать; многие опасались и отказывались. Этими попытками он продолжал семейную практику: в родительском доме тоже было «полно» еврейских книг, которые регулярно давали почитать окружающим [Интервью 1975–1976].

Качественный скачок в просветительской деятельности Дольника — переход от одалживания источников информации к созданию таковых — произошел в 1959 г. после его знакомства с Эзрой Моргулисом¹⁵ — старым лагерником (в 1937 г. был осужден как троцкист на десять лет ИТЛ, вышел в 1947 г. и в 1949 г. вновь осужден на восемь лет ИТЛ) и еврейским энтузиастом. Познакомились они в столовой — Моргулис заинтересовался лежащим у Дольника на столе журналом «Вестник Израиля». Кроме того, их объединили недоверие и неприязнь к третьему сотрапезнику, тоже еврею, но «ассимилянту» и «мещанину» [Интервью 1975–1976]: тот «поделился <...> что он бухгалтер, вышел на пенсию. Доволен. Пенсия идет. <...> имел благодарственные грамоты и стены своей комнаты в новой квартире увешал полученными грамотами. Похвалился также, что дочь удачно вышла замуж за русского и хорошо-мирно живут... От этого разговора меня тошнило, я не верил этому мирному сосуществованию. Как я позже узнал, случайно встретив его на улице, опечаленного, жаловался, что зять гонит его из дому, обзывая “жидом”!» Когда бухгалтер рассказывал о своей счастливой жизни, Дольник «случайно переглянулся» с незнакомым ему на тот момент Моргулисом и они «поняли друг друга...» [Dolnik 1972–1977 (1): 31].

Моргулис оставался верным ленинцем и большевиком, призывал «читать Ленина», цитировал его высказывания о роли евреев в русской ре-

¹⁵ Дольник называет его Маргулисом и Марголисом; М. Маргулис в книге «Еврейская камера Лубянки» — Моргулисом. Дольник указывает годы жизни: 1895–1965. В то же время в списках жертв политических репрессий значится Эзря Израилевич Моргулис, бухгалтер (отчество и профессия совпадают с указанными Дольником) 1893 г. р. (см.: Жертвы политического террора в СССР: Моргулис Эзря Израилевич. URL: <https://base.memo.ru/person/show/2667619>). Моргулисом его называет и внучатый племянник Феликс Рахлин в очерке [Рахлин 2013].

волюции как авторитетный источник, само же участие евреев в русской революции считал безусловным свершением, а не ошибкой («...подавляющая масса еврейского рабочего класса являлась костяком революционного движения во всей так называемой “черте оседлости”») [Моргулис 1960: 10, 11]. Дольник выступал против Ленина как поборника ассимиляции евреев и Октябрьскую революцию осуждал как не оправдавшую еврейские надежды (большевики дали свободу и равенство, но затем взяли курс на «советизированный антисемитизм», «духовную стерилизацию» и «деевреизацию» [Дольник 1976: 1]), но в остальном они сошлись и стали сотрудничать.

Как и в освещении других эпизодов, в рассказе о начале самиздатовской деятельности хронология и акценты в разных мемуарных очерках разнятся: то ли Дольник начал свою культуртрегерскую деятельность уже вместе с Моргулисом, то ли размножал новостные сводки и рассовывал их по чужим карманам в одиночку, до знакомства с ним. Так или иначе, в его версии Моргулис — старший товарищ и первый соратник, но не вдохновитель — в отличие от версии Михаила Маргулиса, представившего Эзру лидером кружка и руководителем самиздатовского проекта, а Дольника — техническим исполнителем.

В 1960 г. Дольник смастерил множительный станок, и этим моментом он датирует начало «серьезного» производства самиздата.

Первым его изданием стала подборка цитат о евреях из сочинений Ленина и Горького, вторым — лагерные мемуары Моргулиса. Один экземпляр из шести Дольник переправил в Израиль через сотрудников посольства (он продолжал это делать и с другими своими изданиями и сетовал, что в Израиле ни одно из них так и не было опубликовано), другой передал Константину Симонову, в 1954–1958 гг. главному редактору «Нового мира», рассчитывая на то, что эту лагерную прозу удастся опубликовать (в 1962 г. следующий редактор журнала, Александр Твардовский, напечатал здесь «Один день Ивана Денисовича» Солженицына).

Потом стали выпускать периодические сборники самиздатовских материалов, включая рецензии на книги, альбомы открыток с видами Израиля и др. Со временем Дольник с Моргулисом привлекли еще нескольких человек, с которыми последний познакомился в Ленинке: Майрима Бергмана, Лазаря Бракера, Иосифа Польского, Фейгу Коган, Абрама Каплана. Они переводили книги, выполняли корректуру, оплачивали в складчину труд машинисток, помогали распространять напечатанное [Dolnik 1972–1977 (1): 34]. Все это были люди «почтенного возраста», вкладывавшие в проект собственные скудные средства (пенсии), т. е. как раз те самые «престарелые евреи», составлявшие синагогальные двадцатки, которых власти были готовы не трогать, считая их уходящей натурой, но эти не просто ходили в синагогу, а «были проникнуты идеей сионизма <...> не могли оставаться в стороне от преследований еврейского народа, считали преступным оставаться в бездействии» [Дольник 1976: 24].

В отличие от Дольника и Моргулиса, европейскими языками не владевших, «Бергман Майрим, инженер по автотранспорту, хорошо знал английский и немецкий языки» [Дольник 1976: 12]. Он перевел с английского «самые интересные главы» из романа Леона Юриса «Exodus» и с немецкого «книгу автора Марка “Восстание Варшавского гетто”» (по-видимому, воспоминания Марека Эдельмана), которую Дольник напечатал в десяти экземплярах, и «книжка эта имела большой успех». Переводные «бестселлеры» перемежались произведениями собственного сочинения: стихами Фейги Коган, лагерными мемуарами минчанина Гирша Овруцкого («Записки Залмана Брук»), 600-страничным «Обзором еврейских общин» Эзры Марголиса, посвященным разным еврейским общинам мира, с особым вниманием к советским евреям. «Обзоры», по мнению Дольника, «служили сильным идеологическим орудием нашей нелегальной деятельности, где раскрывалась антисемитская сущность Кремлевской [sic!] политики» [Дольник 1976: 16].

Дольник занимался распространенной среди советских евреев практикой — коллекционированием выдающихся соплеменников¹⁶: он собрал «картотеку знаменитых евреев», «более тысячи биографий евреев, достигших известности» [Dolnik 1972–1977 (3): 31], и некоторые распространял среди своих читателей, в частности, биографию одного из пионеров космонавтики Ария Абрамовича Штернфельда (1905–1980). По мнению Дольника, он был значительнее и Циолковского, и Королева, но его имя «Советы держали в тени — ведь он еврей», а его самого — «на особом секретном положении (вернее на домашнем заточении)». Эти биографии должны были сообщать читателям чувство гордости за свой народ, который «имеет таких гениальных ученых» [Дольник 1976: 12], «дал миру замечательных людей», внес огромный вклад в мировую культуру [Dolnik 1972–1977 (1): 18].

Дольник с товарищами сделали в целом более 40 публикаций, которые распространялись среди знакомых в Москве (он создал сеть примерно в 40 человек, состоящую как из активистов, так и из потребителей, в том числе молодежи, причем из соображений конспирации не знакомил всех со всеми [Dolnik 1972–1977 (1): 86]), а также передавались в другие города: Смоленск, Ростов-на-Дону, Минск, Ленинград, Ригу, Тбилиси [Там же: 43]. Таким образом, Дольнику с Моргулисом удалось создать вокруг себя и своей самиздатовской деятельности целое сообщество, состоящее из трех концентрических кругов: группы знакомых друг с другом соратников-подпольщиков, участвовавших в изготовлении самиздата и финансировавших его; более широкой группы его московских потребителей, иногда также участвовавших в финансировании (предзаказ и оплата изготовления своих экземпляров), и сети иногородних знакомых, распространяющих продукцию Дольника по еврейским сетям в своих городах.

¹⁶ Подробнее об этой практике см.: [Зеленина 2015].

Кроме книжной продукции Дольник как геодезист интересовался картами Израиля и, подобрав подходящий исходник, сделал русскоязычную карту, для размножения которой сам соорудил фотокопировальный станок. На этом станке он фотокопировал также поздравительные открытки, которые «рассылали в канун еврейских праздников по адресам, взятым прямо из телефонной книги», выбирая еврейские фамилии: «Тем самым дали понять, что не забыт наш народ, что он жив!» [Дольник 1976: 23]; «Хотя поздравительная новогодняя карточка не является агиткой, <...> имеет психологическое воздействие на национальные чувства» [Dolnik 1972–1977 (1): 35].

Как и в практике рассовывания новостных сводок по чужим карманам, Дольник занимал здесь активную миссионерскую позицию: не просто дать тому, кто хочет и просит, а навязать тем, кто не просит, не хочет и даже не знает, чего хотеть. Он считал своей задачей просвещать еврейскую молодежь, сбившуюся с национального пути, воспитанную в интернационалистском духе, ничего не знающую и не желающую знать о еврействе. Как писал Моргулис, «беда в том, что молодежь наша несведуща и дезориентирована» [Моргулис 1960: 13], и два «старых сиониста» взялись это исправить, не стесняясь слова *пропаганда*. Дольник сам описывает свою деятельность как «форму пропаганды» — пропаганды еврейского национального сознания или, как показывали свидетели на следствии, «пропаганды Израиля» [Дольник 1976: 28], — подчеркивая, что издаваемая им литература и, соответственно, проводимая им пропаганда не была антисоветской, а только националистической и сионистской и содержала призывы требовать права выезда в Израиль, поскольку в советском «голуте» евреи подвергаются опасности: «Гомо Коммунистус фашизируется» и в любой момент готов перейти от духовного уничтожения евреев к физическому. «Пропаганда» давала плоды, о которых Дольник с большой радостью узнавал, иногда уже постфактум: так, в лагере минские сионисты сказали ему, что их группка активизировала свою деятельность при появлении самиздатовской литературы из Москвы, которая «служила толчком и морально как бы обязывала включиться в борьбу за национальные права» [Dolnik 1972–1977 (1): 76].

Подпольная деятельность кружка продолжалась более шести лет, пока не была прекращена арестом Дольника. По мнению Дольника, в конце 1965 г. «кагебистская агентура под маской сионистов проникла в нашу группу благодаря ротозеев [sic!], слепо поверивших, что они сионисты с горячими головами» [Дольник 1976: 25]. В мае 1966-го Дольник был арестован, у него изъяли «целый мешок самиздата», фотопленки, пишущую машинку, копировальный станок, израильский флаг и сфотографировали его рядом с этими изъятыми при обыске трофеями. Дольник «не сопротивлялся», видя в этом дополнительный канал сохранения памяти о своей деятельности: «...пусть этот снимок как исторический документ хранится в архивах ленинской империи» [Там же].

В Лефортовской тюрьме он, бодрый «краснощекий пенсионер», держался, по собственным воспоминаниям, стойко, считая нужным и таким образом отстаивать «национальную честь», в частности, обтирался снегом

в мороз, чтобы «доказать перед антисемитами, что мы достаточно закалены и закаляемся для борьбы за наши национальные интересы» [Dolnik 1972–1977 (3): 10].

В отличие от того, что впоследствии напишет Михаил Маргулис, которого Дольник считал как раз одним из внедренных в их группу агентов КГБ, сам он с гордостью констатирует, что на следствии вел себя спокойно и мужественно, никого «не впутал», и в итоге судили и осудили его одного, хотя по этому делу проводили обыски и допрашивали 25 человек¹⁷ (он утверждает, что обыски прошли непосредственно в день его ареста, т. е. правоохранительные органы уже знали об этих людях от своих агентов), а также «ни на шаг не отступил» от того, о чем писал в своем самиздате: в справке, полученной при выходе на свободу, «отчетливо сказано: не осознал свою вину» [Dolnik 1972–1977 (1): 44]. Подтвердить или опровергнуть слова Дольника мы не можем, и вопрос о том, почему его товарищи не попали на скамью подсудимых, остается открытым: то ли Дольник действительно взял всю вину на себя, представив остальных пассивными потребителями, а не создателями самиздата, то ли КГБ, если следовать дольниковской же интерпретации, не хотел «позориться», демонстрируя масштабы прошляпленного им явления, то ли была иная причина.

Следователь грозил Дольнику открытым «показательным процессом», где судья, судебные заседатели и обвинитель будут евреями: «...пусть евреи судят сионистов, распространяющих ложь и клевету о существовании антисемитизма <...> в Советском Союзе» [Dolnik 1972–1977 (3): 22–23]. Но в итоге суд, состоявшийся в декабре 1966 г., был закрытым: «...органы КГБ не разрешили предать гласности судебную процедуру по моему делу», и «суд происходил при абсолютно закрытых дверях, не допустили и жену» [Там же (1.2): б. паг.]. По мысли Дольника, КГБ не хотел «позориться», публично признаваясь, что у него «под носом» в Москве на Ленинском проспекте в течение семи лет выпускался самиздат. Готовясь к открытому заседанию, Дольник написал на 35 страниц уборым почерком свое последнее слово, которое в итоге ему пришлось зачитать лишь суду и паре сотрудников КГБ. В своих мемуарах он приводит его в сокращении, «восстановив по памяти» [Там же: 147–162]; по жанру этот текст можно назвать полемической лекцией об антисемитизме в Российской империи и СССР, о важной роли евреев в Октябрьской революции, становлении большевистского режима и в разных сферах советской жизни, о геноциде, устроенном фашистами. Он утверждает, что полностью прочитал это сочинение и, «закончив читать <...> отдал тетрадку для приложения к делу» [Там же: 162]. Действительно ли он вынудил своих идеологических противников на протяжении академического часа слушать инвективы в адрес охраняемого ими режима — или в воспоминаниях выдавал желаемое за действительное?

¹⁷ Поэтесса Фейга Коган, которую допрашивали как свидетеля по делу Дольника, по памяти записала допросы [Коган 1966].

Неясность распространяется не только на поведение Дольника на следствии и суде, но и на само обвинение. Дольника осудили по ст. 70 УК РСФСР («антисоветская агитация и пропаганда») на четыре года ИТЛ. Он сумел сохранить свое обвинительное заключение (Обвинительное заключение по уголовному делу № 312): вынес его из тюрьмы, прятал на протяжении пребывания в лагере, вывез в Израиль и включил в свои автобиографические сборники. Цитируемое им обвинительное заключение содержит следующие обвинения: изготовление самиздата «антисоветской направленности», содержащего «клеветнические измышления об антисемитизме в СССР», и переправка его за границу [Dolnik 1972–1977 (1.2): 36]; распространение «националистических взглядов» среди «лиц еврейской национальности» [Там же: 37]; «преступление, выразившееся в изготовлении, размножении и распространении антисоветских клеветнических документов...» [Там же (3): 125]. Но можем ли мы быть уверены в том, что Дольник полностью воспроизвел обвинительное заключение?

Спустя почти два месяца после суда, когда Дольник уже был в лагере, вышла посвященная его делу статья «Падение» [Дьяченко 1967]¹⁸, где его изображали платным агентом израильских дипломатов и практически шпионом. Согласно статье, вся его деятельность была срежиссирована израильским посольством. По заданию израильских дипломатов он изготавливал самиздат, распространял «антисоветские и сионистские брошюры», раскладывая их по карманам в гардеробе синагоги, «штамповал фальшивки», дабы оклеветать советский народ и обвинить его в антисемитизме¹⁹, а также добывал сведения, «касающиеся безопасности нашего государства», в частности, составил «геодезические таблицы вычисления высот топографических съемок и определения неприступных расстояний, которые применяются в военной топографии», и передал их сотруднику посольства. Его «шефом» назван второй секретарь посольства Давид Гавиш, которого выслали из СССР в августе 1966 г. Сотрудничество Дольника с израильтянами было якобы меркантильным: «изменнику платили с выработки», на его имя приходили «ценные посылки». На суде «изменник» трусил и лепетал и полностью признал вину. На эту статью в «Известиях» немедленно отозвалась израильская пресса, вынесшая в заголовки слово *шпионаж* как основное обвинение против Дольника [Известия 1967; Рихат 1967].

¹⁸ Дольник вклеил в свой сборник ксерокопию статьи [Dolnik 1972–1977 (1): 81].

¹⁹ Речь идет о напечатанных им снимках оскверненного еврейского кладбища — на надгробиях кто-то нарисовал (фекалиями?) свастику. Статья обличает «отвратительную фальшивку»: якобы свастики не было, Дольник сам вырезал ее из бумаги и наложил на негатив с надгробием; согласно другой статье, он сам наклеивал свастики на памятники, «фотографировал и выдавал за “факты” антисемитизма в СССР» [Сионизм 1970: 42]. Этот навет зиждется на подлинной истории, которой Дольник поделился с кем-то из товарищей, и она дошла до компетентных органов: он сам признается, что путем бумажной аппликации «подправил» свастику — на доставленном ему снимке она была, но «не резко выделялась» [Dolnik 1972–1977 (1.2): 45].

Сам Дольник называет материалы в советских медиа²⁰, изобличающие его как израильского шпиона, «клеветнической кампанией», для противостояния которой он и старался сохранить свое обвинительное заключение, содержащее обвинения в пропаганде и клевете, но не в шпионаже [Dolnik 1972–1977 (1.2): 44; (3): 127].

В то же время в Мордовляге про Дольника в шутку говорили, что он выдал израильским дипломатам теорему Пифагора, имея в виду его таблицы вычисления недоступных расстояний и высот²¹; основывались ли эти слухи на статье в «Известиях» или на рассказах самого Дольника, неизвестно.

В конце концов, в своих мемуарах Дольник сам неоднократно упоминает знакомства и встречи с израильскими дипломатами, через которых он, в частности, передавал в Израиль свои еврейские издания, а также топографические таблицы. Была ли роль израильского дипкорпуса чуть более активной, а деятельность Дольника чуть менее бескорыстной, чем он это представляет, остается неизвестным.

В 1971 г., вскоре после освобождения из лагеря, Дольник получил разрешение на выезд, и они с женой эмигрировали в Израиль, где он вскоре вернулся к самиздатовской деятельности, рефлексировав некоторую аномальность этого возвращения. В частности, он издал книгу «Ленинский расизм и антисемитизм» (1976), поскольку «никто из [израильской] общественности не содействовал к изданию [sic!] этой нужной книжки и ее распространению» [Дольник 1976: 30], и получилось «парадоксальное явление, что если мне пришлось заниматься самиздатом в Советском Союзе, то и здесь, в Израиле, я столкнулся с таким же нежелательным явлением» [Там же], — писал он. Главной же его продукцией в Израиле стали несколько частично дублирующих друг друга автобиографических сборников, изданных с целью рассказать о себе, вписать свою деятельность в историю сионистского движения, противостоять клевете и забвению.

Автобиография как манифест

В своих воспоминаниях Соломон Дольник описывает свою жизнь под определенным углом, отбирая одни сюжеты и темы и опуская другие. Биографические эпизоды, содержательно не связанные с еврейской тематикой, появляются как вставной рассказ. Он пересказывает разговоры со следователем — и так мы узнаем про увольнение из ГИПРОВУЗа и про службу на Забайкальском фронте, когда он как топограф вступал в конфликты с непрофессиональным, по его оценкам, начальством, дававшим безграмотные задания, которые он отказывался выполнять; его неуступчивость задевала самолюбие командиров, и ему выписали в общей сложности 110 суток ареста [Dolnik 1972–1977 (3): 62–63]. В ответах следователю Дольник

²⁰ Помимо двух уже названных статей он упоминает еще «хроникальный фильм» 1971 г. «Черной тропой» [Дольник 1976–1977 (Окончание)], название которого подозрительно напоминает фильм 1963 г. «Снова по черной тропе» о шпионах западных держав.

²¹ Устный рассказ А. Ю. Даниэля.

культивирует идентичность добропорядочного советского гражданина — он не уклонялся от службы в армии, добросовестно трудился, пекся об интересах предприятия и, шире, страны и т. д., но за пределами этих фрагментов конструирует биографию почти исключительно еврейскую и сионистскую, игнорируя друзей (за исключением соратников по подпольной деятельности), жену (за исключением ее роли в его самиздатовской одиссее), образование, профессиональные достижения, путешествия по стране и т. д. О своей семье он считает нужным сообщить лишь то, что она была «патриотической сионистской», о братьях и сестрах — что они состояли в сионистских организациях и нелегально уехали в Палестину (уехали двое — Реувен и Галя; судьбу оставшихся — Михаила и Сары — он не упоминает). Его собственный *Bildungsroman* — это история становления национально ориентированного еврея, борца-сиониста: с детства «интересовался еврейской историей и судьбами еврейского народа» [Интервью 1975–1976]; не состоял ни в комсомоле, ни в партии, «шел своим путем», всю жизнь оставался «верен сионистским идеалам» [Там же].

В разных мемуарных очерках он старается подтвердить эту «пожизненность», непрерывность своей еврейской биографии, высвечивая (анти)-еврейские аспекты своего опыта и окружающей реальности: его лирический герой не работает, воюет, отдыхает, дружит, женится и т. п., а страдает от антисемитизма, сокрушается об ассимиляции, наблюдает за настроениями окружающих евреев. Ему важно соединить ранний и поздний сионистские эпизоды своей биографии, 1920-е и 1960-е, пусть тонкой, но непрерывной нитью и, наоборот, размыть, убрать в тень внееврейское содержание этих промежуточных десятилетий. Читатель может соглашаться с расставленными в автобиографиях акцентами, но может и предполагать, что они появились в результате ретроспективного осмысления своей биографии пожилым человеком, в данный момент полагающим еврейскую линию жизни самой существенной, кроме того — жертвой советской юстиции, имевшей основания смотреть на свою жизнь в СССР с горечью, а также новым репатриантом, стремившимся утвердить в восприятии израильтян свое реноме «горячего сиониста», подпорченное другими экс-активистами. Возможно, в действительности (при всей условности этого понятия) в середине жизни Дольник дистанцировался от своего сионистского прошлого, увлекшись социалистическим строительством на своей профессиональной стезе, обустройством новой жизни в Москве и пр. В конце концов, сионисты находили способы нелегально эмигрировать из Советского Союза вплоть до конца 1930-х годов, Дольник же не предпринимал подобных попыток.

Видение Дольником своей судьбы и судьбы своего народа в СССР можно представить в категориях *foreshadowing* и *backshadowing*, прямого и ретроспективного детерминирования, предложенных Майклом Бернштейном. Сам Бернштейн уверен в предпочтительности другого подхода — *sideshadowing*, который определяет как «жест в сторону, указание на настоящее, насыщенное многочисленными и взаимоисключающими

возможностями грядущего», но повсеместно — в историческом мышлении, в художественной литературе и т. д. — преобладает «привычная техника» foreshadowing, предопределения, когда пресловутое чеховское ружье на стене всегда должно выстрелить, когда в настоящем видят не настоящее как таковое, а прообразы и предвестия будущего или — в обратной перспективе (backshadowing) — неизбежный результат прошлого [Bernstein 1994: 1–2]. Так, в сионистской интерпретации австро-германское еврейство заведомо не имело иного будущего, иного выбора, «кроме как покинуть Европу ради Эрец Исраэль или испытать все более жестокие преследования» [Ibid: 21]. Впрочем, о Холокосте так стали говорить не только сионисты — ретроспективное вчитывание в историю причинно-следственных связей свойственно человеческому мышлению в целом и может происходить вполне бескорыстно, без малейшей политической выгоды, даже в случае самых неожиданных и непредставимых событий: «...сохраняется противоречие между чувством шока от событий Холокоста, которое все испытывали, когда они происходили, и склонностью постфактум представлять эти события таким образом, чтобы они казались неизбежными» [Katz 1975: 41].

На следующем витке этот подход продуцирует новый foreshadowing — к примеру, сионистские прогнозы, что евреев за пределами еврейского государства всегда ждет новый геноцид, основанные на интерпретации Холокоста как неоспоримого доказательства еврейской уязвимости в диаспоре²².

Дольнику как раз свойствен этот ход мысли — недаром в 1957 г., понаблюдав за неприязнью соотечественников к израильской делегации, он убедился, что советские люди готовы повторить то, «что сделали гитлеровцы». В описаниях своей биографии Дольник тоже занимается foreshadowing, отсекая все боковые побеги (а прежде определяя их как боковые в противоположность стволу — становлению борца-сиониста), редуцируя свою профессиональную и семейную жизнь к функции подготовки к самиздатовской деятельности, финансирования или поддержания ее.

«Почему, — задается вопросом Бернштейн, — наше удовольствие от обнаружения альтернатив (sideshadowing) и признание их освободительного потенциала сосуществуют с не менее сильной тягой поддаться различным детерминистским приемам, [создающим иллюзию] биографической и исторической неизбежности?» И предлагает психологическое объяснение: убежденность в неизбежности судьбы защищает от «порою невыносимой ностальгии по путям не выбранным и сожаления о действиях не предпринятых» [Bernstein 1994: 113]. Трудно сказать, была ли сионистская деятельность Дольника на пенсии реализацией потенциала, заложенного в нем с детства, или в большей степени производной свободного времени, и было ли спрямление жизненного древа в сионистский ствол в автобиографических текстах отражением веры в предопределен-

²² «Именно с весом этой интерпретации, ее неопровержимой окончательностью <...> я борюсь на протяжении большей части этой книги», — восклицает Бернштейн [Bernstein 1994: 13].

ность и цельность его сионистской судьбы или выкорчевыванием тоски по нереализованным возможностям; всегда легитимно предполагать сочетание мотиваций.

Автобиография Дольника — идейная автобиография; больше, чем сведений о жизни, в ней повторений в чуть различающихся аранжировках ограниченного набора идей: осуждения антисемитизма, критики ассимиляции, декларации сионизма как единственно возможного пути. В биографический нарратив то и дело встраиваются идеологические интерполяции: экскурсы в историю антисемитизма и сионистские декларации, фрагменты изданных им произведений, последнее слово на суде, ответы следователю. Так, на упрек в торгашестве как якобы неотъемлемой склонности еврейского народа, выдвинутый, вероятно, на основании проходивших в то же время процессов «трикотажников»²³, Дольник отвечает многостраничным рассказом о проявлениях антисемитизма в СССР, о клевете насчет «ташкентского фронта», об антиеврейском насилии в Свердловске и Малаховке, об антисиионизме [Dolnik 1972–1977 (3): 64–73]. Все автобиографические тексты начинаются, заканчиваются и пронизаны декларациями, призванными накрепко связать лирического героя с его народом, представить его личную историю частью национальной, всю его жизнь изобразить как борьбу и в этом качестве как важный эпизод («дополнительное доказательство») «исторической эпохи» [Там же: 134]: «Запреты русской Октябрьской революции <...> обрушились всей мощью на священные узы, скрепляющие еврейский народ»; «как старый сионист я был верен моим убеждениям», «я считал своим священным долгом и обязанностью включиться в борьбу за защиту наших национальных интересов» [Дольник 1972: б. паг.]; «Я поднял факел протеста против угнетателей нашего народа...» [Dolnik 1972–1977 (3): 130]. Помимо конкретно-исторического содержания — видения еврейской истории в России как истории разнообразного угнетения — и телеологической автоконцепции, обеспечивающей связность и цельность биографии, мы наблюдаем здесь и универсальное для мемуаристов желание представить свою жизнь не сугубо частным делом, а частью большой истории, а автобиографический рассказ — историческим свидетельством, позиционируя себя не только как современника, но и как участника исторических событий или процессов, тем самым апроприируя их [Нуркова 2009].

Неизбежной частью такой идейной автобиографии становится песнь не только pro, но и contra. Красной нитью сквозь все очерки проходит размежевание на «правильных», национально ориентированных евреев, и

²³ Судебные процессы над деятелями теневой экономики («валютчиками», «трикотажниками», «цеховиками») проходили в 1961–1967 гг. и отличались всесоюзным охватом, огромным числом фигурантов и жестокостью наказания (указами 1961–1962 гг. за «хищение социалистической собственности», нарушение правил о валютных операциях и взяточничество вводилась «смертная казнь — расстрел»). Среди фигурантов этих процессов было немало евреев, что давало основания советским евреям и международной еврейской общественности считать хрущевскую борьбу с теневой экономикой новой формой выражения государственного антисемитизма.

«неправильных»: «мещан», «обывателей», «торгашей» [Dolnik 1972–1977 (2): 4], «подонков-ассимилянтов», дельцов-трикотажников, обуянных «жаждой наживы», старых большевиков и партийных приспособленцев; от таких людей «я отворачиваюсь, — заявляет автор, — они мне чужды», «они позорят еврейство, давшее человечеству знаменитых ученых...» [Там же (3): 51]²⁴.

Яростная неприязнь к «другим» евреям проявляется в нескольких контекстах. То и дело Дольник ругает ассимилянтов-«обывателей», «ханжей и отщепенцев» [Dolnik 1972–1977 (1): 20], гиперболизируя их ассимилированность и этико-эстетическую неприглядность:

...стыдясь своего родства, они прятались под колпаком ассимиляции, позорно подражая чужим традициям и старательно обновляя свою жизнь под именем Иван Ивановичей Ивановых и аппетитно запивая стаканами русской водки свой завтрак из свинины, вспоминали свою мать отборным русским матом [Там же: 19].

Искра этой нетерпимости, высеченная рассказом бухгалтера в столовой, послужила искрой симпатии, сблизившей его с Эзрой Моргулисом, который в своих сочинениях тоже щедро осуждает национально безразличных евреев, называя это безразличие «национальным вырождением», и классифицирует их на несколько типов: «тупые мещане», готовые продать отца и мать ради туго набитого живота и бумажника; «ассимиляторы» с «рабской психологией» — «низменные существа», «презренные лакеи», «рабские душонки», «отбросы еврейской нации»; и, наконец, интеллигенты, «сросшиеся» с русской культурой [Моргулис 1960: 7–8]. Как Дольник, так и Моргулис далеки от представлений о плюрализме и необходимости свободного выбора; «неправильных» евреев негоже признавать, терпеть или игнорировать, дискутировать с ними и воспитывать их бесполезно, остается принудить их встать на «правильную» национальную стезю: «Мещанин, вообще говоря, неисправим. Его следует взнудать и заставить идти по указанному ему пути» [Там же: 7].

Опасная разновидность «мещан» — стукачи, из свойственного в том числе евреям страха перед властью пошедшие на сотрудничество с органами; разновидность классово чуждая и дискредитирующая нацию — «торгаши», «валютчики и трикотажники». Жена Дольника Ирина Александровна, немало часов проведенная в тюремных очередях бок о бок с женами незадачли-

²⁴ О нетерпимости к «неправильным» евреям в риторике и практике позднейшего еврейского движения см.: [Зеленина 2022]. Не вдаваясь глубоко в рассуждения о политике идентичности, приведу лишь один пример (за напоминание о котором я благодарна анонимному рецензенту) подобной маргинализации и категоричного осуждения «неправильных» в рядах другого гонимого меньшинства, состоящего из людей, чье накопившееся одиночество, отчужденность от общества приводило к острому желанию примкнуть к сообществу себе подобных и, разработав правила групповой идентичности, законсервировать его как таковое, пресекая и изгоняя любую инаковость; в результате маргинальное сообщество воспроизводило нетерпимость большинства к нему самому [Tuller 1996: 263].

вых деятелей теневой экономики, видела в них не товаров по несчастью, а вульгарных и аморальных богачек, чьи мужья нажились нечестным путем, а они, тоже нечестным путем, исхитрялись передавать в тюрьму деликатесы [Дольник 1971: 30]. Сам Дольник с той же антипатией отзываясь о соседях по тюрьме — «хапугах», «приспособленцах» [Dolnik 1972–1977 (3): 46], «обывательской шелухе, [которая] меня не интересовала» [Там же: 6]. Со слов следователя он пересказывает историю дела Рокотова²⁵ и как инженер и сионист торопится отмежеваться от обывателей и торгашей («духовно» с ними у него нет ничего общего), однако классовая ненависть отступает перед возмущением антисемитизмом, представляющимся подлинным мотивом судебных преследований, и он переходит к осторожному оправданию «трикотажников» (неясно, прямо в разговоре со следователем или все-таки ретроспективно, в воспоминаниях): у них бы стоило поучиться, они могли бы принести пользу промышленности, они не виноваты в том, что в стране дефицит трикотажа, и т. д.; к тому же, вспоминает Дольник, во время своих геодезических экспедиций он наблюдал крупные хищения в колхозах, о которых никто «не звонил в колокола» по той простой причине, что в этих хищениях не были замешаны евреи [Там же: 52–55].

Автобиография как квеч и кляуза

Вторая интонация, центральная в автобиографии Дольника, — квеч. Это идишское слово означает жалобы, нытье, претензии, смакование неприятностей и обид, причем исследователи видят в квече не только лингвистический феномен, определенный идишский лексикон вкупе с интонацией, но и культурный топос, специфику мировосприятия, взгляд на жизнь «сквозь тусклые очки» [Векс 2012: 11].

Вся жизнь лирического героя проходит во враждебной обстановке: притеснения и гонения подвигают его на самоотверженную борьбу, она вызывает новую враждебность — зависть и предательство, повлекшие новые гонения, вслед за ними наступает новый этап борьбы — борьбы с предателями, поражение в которой грозит окончательной диффамацией и забвением.

Сионистская идентичность Дольника при всей своей агентности и позитивности проистекает из виктимных ролей — на путь «борьбы за национальные интересы» он встал, будучи жертвой разных обстоятельств: «как родившийся в черте оседлости», как современник дела Бейлиса и Октябрьской революции, приведшей к «духовной кастрации еврейского народа» [Интервью 1975–1976], как «участник войны с нацистами» [Dolnik 1972–1977 (1): 15–16], убившими шесть миллионов евреев, как советский гражданин при Сталине, перенявшем антисемитизм Ленина.

²⁵ В 1960 г. Ян Рокотов с товарищами были осуждены за скупку и спекуляции валютной, золотом и импортными вещами в особо крупном размере и приговорены к 8-летнему заключению. По настоянию Н. С. Хрущева приговор был пересмотрен и срок увеличен до 15 лет, а когда летом 1961 г. была введена смертная казнь за нарушение правил о валютных операциях, дело вновь подверглось пересмотру: все трое были приговорены к расстрелу и расстреляны.

Жалобы на антисемитизм в разных его проявлениях присутствуют во всех мемуарных очерках и, пожалуй, доминируют, если судить по объему текста, но эмоционально доминируют не они: наиболее горький квеч вызван ощущением недооцененности, болью от того, что славная история шестилетней подпольной борьбы незаслуженно забыта, а главный борец подло опорочен.

Сетования на недооцененность и впустую затраченные усилия начинаются с описания суда: ни общественности, ни иностранным корреспондентам не довелось узнать о свершениях Дольника на ниве подпольного самиздата, 35-страничное последнее слово практически пропало втуне. «Очень печально, что зал пустой и никому не довелось слушать судебный процесс <...> суд прошел никем не замеченный» [Дольник 1976: 29].

Дольник, очевидно, рассчитывал на заслуженное признание в Израиле, но обманулся в своих ожиданиях. Прибыв туда, он узнал, что его самиздавательские публикации, которые он так старался переправлять за границу («...зарубежные евреи должны знать, в каких условиях находится еврейский народ и какие меры существуют для подавления национального чувства» [Dolnik 1972–1977 (1.2): 161]), остались незамеченными: «К сожалению этим очерком²⁶ как и другими литературными материалами никто не интересовался и судьба мне неизвестна» [Там же (1): 40]; «...к сожалению эти интересные рассказы (“Записки Залмана Брука” Гирша Овруцкого. — Г. З.) томятся в архивных недрах Израиля и мои затраченные труды были напрасными» [Там же: 75]. Как конкретные издания, так и в целом его подпольная деятельность «общественностью Израиля» оказалась не оценена. Дольник с горечью отмечает, что хотя он «один из первых кто поднял знамя борьбы со злейшими нашими врагами Гомо Коммунистус» [Там же: 44], его затмили более молодые и, с его точки зрения, менее достойные сионисты, умеющие лишь симулировать бурную деятельность:

Сложилось у меня впечатление, что центр²⁷ не интересуется [мною]. Есть более интересные борцы типа Бершадской, Ханциса, Штерна, Давыдовича и другие у которых нет ни на гроша борьбы [Письмо 1980a].

Никто моей деятельностью и подпольным самиздатом не интересовался. Мне претит слышать лжецов создающие впечатление внушительной болтовней, маскируясь «горячими сионистами» [Письмо 1980b].

Нельзя оставаться спокойным и не выражать презрение к пустобрехам, добивающимся не заслуженной славы. Повинно в этом и правительство прислушающего [sic] к голосу обманщиков! [Dolnik 1972–1977 (1): 80].

²⁶ Имеются в виду «Воспоминания о встречах с патриархом Алексием» Фейги Коган [1965], фрагментарно опубликованные в [Шумихин 2006].

²⁷ Центр по исследованию и документации восточноевропейского еврейства при Иерусалимском университете.

Сокрушаясь о том, что его славу узурпировали те, кого он оценивал как проходимцев, Дольник в то же время терзался более черным подозрением, что его не просто обошли более прыткие и хвастливые, а целенаправленно дискредитировали агенты КГБ с целью погубить его репутацию и присвоить его заслуги. В письмах в Центр по исследованию и документации восточноевропейского еврейства он жалуется на «вонючую клевету холуев» КГБ, который, арестовав его, решил оклеветать его как стукача, и эта диффамационная кампания продолжается и в Израиле, где «холуи» проживают под видом «узников Сиона»: его «встретили враждебно», его преследуют «агенты КГБ, маскирующие *Асири Цион/ами*²⁸, обманывая израильскую общественность»; вырвавшись из Советского Союза, он вновь «оказался в окружении врагов» и «испытал достаточно издевательств» [Письмо 1980].

В доносительстве он подозревал нескольких человек, называя их то обиняками, используя прозвища и инициалы («главный стукач Х», «провокатор Муса»), то прямо. Под обличение подозреваемых выделена отдельная книжка тетралогии — «История предательства», посвященная «трем Азефам»: Давиду Хавкину, Михаилу Маргулису, Генриху Шестаковскому, но прежде всего Хавкину, которого Дольник считал главным своим врагом:

Эти страницы я «посвящаю» ХАВКИНУ Давиду, которого друзья считают «мужественным патриотом»; в их глазах он «ГОРЯЧИЙ СИОНИСТ». У меня иное мнение — он пошляк и негодяй! У него путь известного провокатора АЗЕФА, и лично [я] являюсь жертвой его предательской деятельности как от провокатора, состоящего на службе в Московском городском отделении КГБ [Dolnik 1972–1977 (2): 1].

По версии Дольника, если Маргулис был неопытным провокатором (топорно подталкивал его к нелегальщине — изготовлению фальшивых израильских паспортов), то Хавкин являлся вполне умелым агентом КГБ, именно он накопил улики и сдал Дольника органам²⁹, после чего, чтобы отвести подозрения от себя и создать себе имидж «горячего сиониста», имитировал двухнедельный арест (по мнению Дольника, сам постригся наголо, изобличая собственный обман, — ведь в следственной тюрьме не стригут) и свалил вину на Дольника, в первые же дни после его ареста распустив слух, будто он всех сдает. Для распространения этой «пошлой клеветы» Хавкин приспособил своих «поклонниц» и других знакомых (Давида Драбкина, Ефима Спиваковского, Анатолия Рубина, Мими Гарбер), «...и изрыгала эта братия рвотную вонь хавкинской харковины лжи в мой

²⁸ *Асирей Цион* («узники Сиона») — люди, репрессированные за сионистскую деятельность: от евреев, подвергавшихся преследованиям британских властей в подмандатной Палестине, до еврейских активистов в СССР.

²⁹ Он подробно вспоминает свои встречи с Хавкиным и его поведение, доказывающее его вину: тот чрезмерно интересовался знакомствами Дольника, и на следствии его спрашивали именно о тех людях, с кем его видел Хавкин; Хавкин был во дворе дома во время ареста Дольника и т. п. [Dolnik 1972–1977 (2): 10–13].

адрес» [Dolnik 1972—1977 (2): 2]. Сам Хавкин при этом никакой сионистской борьбой не занимался, а имя себе сделал, дискредитировав Дольника и выдвинувшись вместо него в первые ряды «борцов» («...своей клеветой на меня Хавкин приобрел авторитет» [Там же: 4]). Выехал он раньше всех, в 1969 г. (что тоже, по мнению Дольника, свидетельствует о его услугах КГБ), и в Израиле продолжил свое черное дело. Дольник и в целом к среде и поколению Хавкина относится скептически, называя «неосионистами» и обвиняя в бездействии: «...не было у них смелости действовать»; «...весь их патриотизм заключался собраться компанией в праздник и спеть еврейские песни» [Там же: 6]. Вразрез с версией Михаила Маргулиса, объявившего себя наследником Эзры Моргулиса и главным самиздателем конца 1960-х, Дольник полагает, что с его арестом в Москве — если не во всем Союзе — прекратилась нелегальная еврейская деятельность: «...те молодые сионисты, которых я знал, неспособны были развернуть нелегальную работу»; «мелкие трусы», они умели лишь доставать молитвенник и распевать песни, но это не значит быть «активным сионистом» [Там же (3): 14]. Возможно, следуя в этой своей оценке отношению Эзры Моргулиса к молодежи как «несведущей и дезориентированной», Дольник не сглаживает, а заостряет поколенческий конфликт, объявляя новое поколение сионистов никчемным, способным лишь присваивать чужие заслуги и торговать этим украденным капиталом в Израиле.

В 1971 г., когда Дольник покидал СССР, в аэропорту к нему подошел Михаил Маргулис (об этом пишут оба участника встречи) и предупредил, что его авторитет подорван (его поведением на следствии, согласно Маргулису, или клеветой врагов, согласно Дольнику) и в Израиле веры ему не будет. Уже в Шенау Дольник «почувствовал предупреждения Маргулиса», а в Лоде «оказался осажденным плотной стеной сплетен» [Dolnik 1972—1977 (2): 20]. Дольник с присущим ему темпераментом начал свою новую борьбу. Он без устали пытался разоблачить Хавкина, а придя к выводу, что КГБ «с потоком алии» заслал в Израиль «достаточно агентов» [Там же: 31] и других предполагаемых своих врагов, для чего писал в прессу, министрам, в том числе Голде Меир, но тщетно. Исследователь советского еврейства профессор Мордехай Альтшулер, перед которым Дольник тоже не преминул разоблачить «“борцов” за выезд в Израиль», элегантно ответил ему, что с интересом прочитал присланные им материалы, но, поскольку «...я не занимаюсь этими делами, то свои впечатления о том или другом борце предпочитаю оставить при себе» [Альтшулер 1974]. В итоге Дольник сделал вывод, что

...сработал «аккумулятор клеветы» Хавкина Давида и для Израиля я был предателем и прокаженным, и хотя я являюсь старым сионистом, кагебисты действуя через своих подручных в лице Хавкина подготовили мне неблагоприятную почву. Обработав общественность Израиля (т. е. вследствие «обработки» общественности Израиля Хавкиным. — Г. З.), я был лишен встретиться с влиятельными деятелями. Я был лишен выступать где-либо

на собрании и газета [«Наша страна»] отказала мне в опубликовании статьи «Ответ клеветникам» в ответ на статью в «Известиях» [Dolnik 1972–1977 (2): 22].

Имела ли место в реальности клеветническая кампания или Дольник руководствовался неподтвержденными подозрениями и фрустрацией, судить трудно, к тому же мы не можем утверждать, что она действительно была клеветнической, а не разоблачительной. Надо отметить, что обвинение в сотрудничестве со следствием оказалось обоюдоострым оружием многоразового использования: спустя годы некий «Б.» в газете «Вести» обвинит уже Хавкина в том, что тот «раскололся на допросе» и «выдал его органам», а друзья Хавкина (Тина Бродецкая, Барух Подольский, Виталий Свечинский, Ефим Спиваковский и др.) составят открытое письмо «В защиту чести и достоинства», где заявят, что «имя Хавкина» в их среде «символизирует бескомпромиссную приверженность делу сионизма», а «подло оклеветавший» его «Б.» в то время сам «сломался» на допросе, а теперь пытается «жалкими и неловкими словами спасти свое лицо» [Бродецкая и др. б. д.]. Вероятно, та же группа «узников Сиона» напишет «закрытое письмо для открытой печати» Эдуарду Кузнецову³⁰, возмущаясь его «авторитетным заявлением» о том, будто «подавляющее большинство политических узников сотрудничало с советским гестапо», и иронически советуя ему «первого встречного фраера на сдобных копытах» не посвящать в «наши тайны», ведь то, что ему самому расстрел заменили сроком, — «это только благодаря сотрудничеству» [Закрытое письмо б. д.].

Но невнимание к Дольнику со стороны израильской общественности в 1970-е годы, а тем более забвение, в которое почти погрузилось его имя за последующие десятилетия, вызваны скорее не предполагаемой диффамацией, а его позицией предтечи новой большой волны активизма, отделенного от своих духовных преемников четырехлетним заключением. Сокрушаясь о своей безвестности в середине — конце 1970-х, в разгар еврейского движения в СССР, когда многие новые борцы еще не выехали, Дольник думал, что проигрывает Хавкину и К°, но на самом деле все активисты 1960-х, включая Хавкина, Драбкина, Бродецких и пр., «проиграли» активистам 1970–1980-х, затмившим их в глазах израильской и западной публики, в исторической памяти и в историографии.

* * *

Произведения самиздата — источник не только текстуальный, но и визуальный, и визуальная информация позволяет нам добавить светлых то-

³⁰ Эдуард Самойлович Кузнецов (1939–2024) — деятель самиздата и участник чтений на площади Маяковского (обвинен в антисоветской агитации и отсидел семь лет в 1961–1968 гг.), один из главных фигурантов ленинградского «самолетного дела» (1970; приговорен к высшей мере, замененной на 15-летнее заключение, но в 1979 г. был по обмену выпущен в Израиль), в 1980–1990-е годы работал в русскоязычной израильской журналистике, известен прежде всего как основатель газеты «Вести» и издания «MIG-news».

нов в очерк судьбы Соломона Дольника. Рассказывая о подпольном производстве в Москве, Дольник с удовлетворением отмечает свое умение «мастеровать» [Dolnik 1972–1977 (1.2): 35] (изготовил фотокопировальный станок) и решать сложные полиграфические задачи (придумал, как печатать карты, открытки). Хотя он сетует на то, что в Израиле ему пришлось вновь обратиться к самиздату из-за непризнанности и невключенности в легальный культурный процесс, представляется, что, невзирая на фрустрирующие причины, само это занятие доставляло ему подлинное удовольствие. Неслучайно он изготовил по меньшей мере шесть автобиографических сборников, хотя, если убрать все повторы, можно было бы обойтись одним: по сути, это одна автобиография в шести редакциях со множеством приложений, во плоти иллюстрирующих описываемую в тексте самиздатовскую деятельность. К каждому сборнику он фломастерами рисовал по несколько титулов с названием, подзаголовком и еще заголовками, статус которых затруднительно определить; использовал разные экслибрисы, вклеивал многочисленные картинки неясного назначения, фотографии, копии документов, листы из своих московских материалов. Корешки обклеивал узорчатой оберточной бумагой или клеенкой и связывал шнурком, для упрочения или украшения переплета использовал страницы гляцевых журналов, на которых мы наблюдаем то рекламу чая «Высоцкий»³¹ или оральные контрацептивы, то алую розу, то выходящую из моря девушку в купальнике³². Оформление его творений далеко от эстетической безупречности — оно эклектично и причудливо, но поражает изобретательностью мастера и убеждает в большой любви книжника к своему делу.

Источники

Архивные

Авербух 1978–1979 — Интервью Исая Авербуха с Борисом Словиным. 1978–1979 // САНЖР. Р. 426.

Альтшулер 1974 — Письмо М. Альтшулера С. Дольнику. 4 июня 1974 г. Вложение в [Дольник 1972] // САНЖР. СЕЕJ. 983/20.4.

Бродецкая и др. б. д. — *Бродецкая Т. и др.* В защиту чести и достоинства. Б. д. Машинопись // САНЖР. Р. 342. Khavkin, David.

Дольник 1976 — *Дольник Сол.* Подпольный Московский сионистский самиздат. 1960–1966. Тель-Авив; Яффо, 1976. Машинопись // FSO. F. 5/1.3.

Житницкий 1974 — *Житницкий М. С.* Мой путь в Израиль. 1974 // САНЖР. СЕЕJ. 983/26.1.

³¹ Wissotzky Tea — израильская чайная компания, на которую приходится три четверти израильского рынка чая; была основана в середине XIX в. в Москве Вульфом Высоцким под названием «В. Высоцкий», затем «В. Высоцкий и К°».

³² При обыске у него нашли самодельные игральные карты с фотографиями манекенщиц, и следователи попытались предъявить ему распространение порнографии, но он возмущенно парировал тем, что девушки на фотографиях облачены в купальники [Dolnik 1972–1977 (3): 90].

- Закрытое письмо б. д. — Эдуарду Кузнецову. Закрытое письмо для открытой печати. Б. д. Машинопись // САНЖР. Р 342. Khavkin, David.
- Интервью Якова Рои — Интервью Якова Рои с Михаилом Гурвичем (б. д.); с Йосефом и Анной Керлер (1983 г.); с Гитой Ландсман (1982) // САНЖР. The Interviews of Dr. Yakov Roi. Inv-10091-23, Inv-10091-33, Inv-10091-37.
- Коган 1965 — Коган Ф. Воспоминания о встречах с патриархом Алексием. Январь 1965 г. // РГАЛИ. Ф. 2272. Оп. 1. Д. 36.
- Коган 1966 — Коган Ф. Разговор со следователем. 1 октября 1966 г. // РГАЛИ. Ф. 2272. Оп. 1. Д. 37.
- Менделевич б. д. — Письмо Иосифа Менделевича Абе Таратуте. Б. д. // САНЖР. ARS. Box 17. File 039-001.
- Дольник 1972 — Дольник С. Мой путь в Израиль. Тель-Авив; Яффо, 1972 // САНЖР. СЕЕJ. 983/20.4.
- Моргулис 1960 — [Моргулис Э.] Евреи. Палестина. Государство Израиль. Л., 1960. Машинопись // САНЖР. СЕЕJ. 672.
- Письмо 1980а — Письмо С. Дольника организаторам симпозиума в Центре по исследованию и документации восточноевропейского еврейства. После 13 октября 1980 г. // САНЖР. СЕЕJ. 1204.
- Письмо 1980b — Письмо С. Дольника Симе Ицикас, ученому секретарю Центра по исследованию и документации восточноевропейского еврейства. 20 октября 1980 г. // САНЖР. СЕЕJ. 1204.
- Dolnik 1972–1977 — Dolnik S. Зов времени. Голутская одиссея: В 4 ч. (Ч. 1; 1.2; 2; 3). Тель-Авив; Яффо, 1972–1977 // САНЖР. СЕЕJ. 1204.

О п у б л и к о в а н н ы е

- Бадрицкий б. д. — Бадрицкий А. Былое // Земелах: советские еврейские эго-документы. URL: <https://zemelah.online/documents/badritsky-txt1>.
- Беленький б. д. — Беленький С. Воспоминания // Земелах: советские еврейские эго-документы. URL: <https://zemelah.online/documents/belenkiy-txt>.
- Богораз 1974 — Богораз Л. Чувствую ли я себя частью еврейского народа? // Еврейский самиздат. Т. 4 / Под ред А. Бен-Арие. Иерусалим: Еврейский ун-т, Центр. документации восточно-европейского еврейства, 1974. С. 39–43. (1-я публ.: Евреи в СССР. Вып. 1. 1972).
- Городецкая 2018 — Городецкая А. Через тюрьмы к звездам // Jewish.ru. 2018. 17 окт. URL: <https://jewish.ru/ru/people/society/187545>.
- Дольник 1971 — Дольник И. Злополучная вобла. Картинки из пережитого // Посев. 1971. № 11. С. 30–31.
- Дольник 1976–1977 — Дольник С. Подпольный Московский сионистский Самиздат. Воспоминания // Наша страна. 1976. 24 дек., 31 дек.; 1977. 7 янв.
- Дьяченко 1967 — Дьяченко В. Падение // Известия. 1967. 23 февр.
- Еврейский самиздат 1974 — Еврейский самиздат // Наша страна. 1974. 26 нояб.
- Известия 1967 — «Известия»: Йегуд совети нидун бе-ашмат «ригуль ле-товат Исраэль» [«Известия»: советский еврей осужден по обвинению в «шпионаже в пользу Израиля»] // Га-Цофе: [Газ.; Израиль]. 1967. 24 февр. (На иврите).
- Интервью 1975–1976 — The Jewish Underground Movement in the USSR in the 1930s and 1940s = Га-махтерет га-йегудит бе-Брит га-моацот (асирей Цион): [Интервью Соломона Дольника Михаэлю Сегеву. 1975–1976] // Национальная библиотека Израиля. URL: https://www.nli.org.il/en/audio/NNL_ALEPH990044209940205171/NLI.

- Казаков 1974 — *Казаков А. П.* Об опыте работы по снижению эмиграционных настроений среди евреев, живущих в Литовской ССР // Труды Высшей школы [КГБ]. Вып. 8 / [Ред. кол.: М. А. Козичев и др.]. М.: [б. и.], 1974. С. 173–179.
- Клячкин 1974 — *Клячкин М.* Чувствую ли я себя частью еврейского народа? // Еврейский самиздат. Т. 4 / Под ред. А. Бен-Арие. Иерусалим: Еврейский ун-т, Центр. документации восточно-европейского еврейства, 1974. С. 43–45. (1-я публ.: Евреи в СССР. Вып. 1. 1972).
- Кошаровский 2007 — *Кошаровский Ю.* Мы снова евреи: Очерки по истории сионистского движения в Советском Союзе: В 4 т. Иерусалим: [б. и.], 2007.
- Маргулис 1996 — *Маргулис М. Д.* «Еврейская» камера Лубянки. Иерусалим: Гешарим, 1996.
- Морозов 1998 — Еврейская эмиграция в свете новых документов / Под ред. Б. Морозова. Тель-Авив: [Центр Каммингса, Тель-Авивский университет; ЦХСД], 1998.
- Нудель б. д. — *Нудель И. Я.* Рука в темноте. Ч. 2 // Ежевика-Публикации. URL: http://pubs.ejwiki.org/wiki/Ида_Нудель_•_Рука_в_темноте_•_Часть_2.
- Петров-Агатов 1972 — *Петров-Агатов А.* Арестантские встречи // Грани. № 83. 1972. С. 47–78.
- Рахлин 2013 — *Рахлин Ф.* Пророчество Эзры Моргулиса // Проза.ру. 2013. URL: <https://proza.ru/2013/11/14/1338>.
- Рихат 1967 — Рихат ткуфат Сталин оле мегаршаат Дольник бе-ригуль [Запах сталинской эпохи поднимается от обвинения Дольника в шпионаже] // Маарив: [Газ.; Израиль]. 1967. 25 февр. (На иврите).
- Рубин 1977 — *Рубин А.* Страницы пережитого // Мой путь в Израиль. Иерусалим: Б-ка Алия, 1977. С. 83–250.
- Сионизм 1970 — Сионизм без маски // Советские профсоюзы. 1970. № 13. С. 42–43.
- Тумерман 1977 — *Тумерман Л.* Если бы молодость знала, если бы старость могла // Мой путь в Израиль. Иерусалим: Б-ка Алия, 1977. С. 7–81.
- Шумихин 2006 — *Шумихин С.* Еврейка в «православном логове» // Religare. 2006. 24 янв. URL: <https://religare.ru/2519910>.

Сокращения

- РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).
- РГАНИ — Российский государственный архив новейшей истории (Москва).
- САНJP — Central Archives for the History of Jewish People (Иерусалим).
- FSO — Archiv der Forschungsstelle Osteuropa (Бремен).

Литература

- Векс 2012 — *Векс М.* Жизнь как квеч. Идиш: язык и культура / Пер. с англ. А. Фруман. М.: Текст, 2012.
- Зеленина 2015 — *Зеленина Г.* «У меня свое хобби — я коллекционирую евреев»: поиски идентичности на досуге // Теория моды: одежда, тело, культура. № 36. 2015. С. 160–223.
- Зеленина 2022 — *Зеленина Г.* «Не допуская на губительные пути»: еврейское движение и воспроизводство нетерпимости // Профессионалы и маргиналы в славянской и еврейской культурной традиции / Отв. ред. О. В. Белова. М.; Бостон; СПб.: Academic Studies Press; Библиороссика, 2022. С. 179–229. <https://doi.org/10.31168/2658-3356.2022.9>.
- Костырченко 2012 — *Костырченко Г. В.* Тайная политика Хрущёва: Власть, интеллигенция, еврейский вопрос. М.: Междунар. отношения, 2012.
- Нуркова 2009 — *Нуркова В. В.* История как личный опыт // Историческая психология и социология истории. 2009. № 1. С. 5–27.

- Слѣзкин 2005 — *Слѣзкин Ю.* Эра Меркурия. Евреи в современном мире / Авториз. пер. с англ. С. Б. Ильина. М.: Нов. лит. обозрение, 2005.
- Bernstein 1994 — *Bernstein M. A.* Foregone conclusions: Against apocalyptic history. Berkeley; Los Angeles; Oxford: Univ. of California Press, 1994.
- Katz 1975 — *Katz J.* Was the Holocaust predictable? // *Commentary*. Vol. 59. No. 5. 1975. P. 41–48.
- Tuller 1996 — *Tuller D.* Cracks in the iron closet: Travels in gay and lesbian Russia. Boston: Faber and Faber, 1996.

References

- Bernstein, M. A. (1994). *Foregone conclusions: Against apocalyptic history*. Univ. of California Press.
- Katz, J. (1975). Was the Holocaust predictable? *Commentary*, 59(5), 41–48.
- Kostyrchenko, G. V. (2012). *Tainaia politika Khrushcheva: Vlast', intelligentsiia, evreiskii vo-pros* [Khrushchev's secret policy: Power, intelligentsia, Jewish question]. *Mezhdunarodnye otnosheniia*. (In Russian).
- Nurkova, V. V. (2009). Istoriia kak lichnyi opyt [History as a personal experience]. *Istori-cheskaia psikhologiia i sotsiologiia istorii*, 2009(1), 5–27. (In Russian).
- Slezkine, Yu. (2004). *The Jewish century*. Princeton Univ. Press.
- Tuller, D. (1996). *Cracks in the iron closet: Travels in gay and lesbian Russia*. Faber and Faber.
- Wex, M. (2005). *Born to kvetch: Yiddish language and culture in all its moods*. St. Martin's Press.
- Zelenina, G. (2015). “U menia svoe khobbi — ia kolleksioniruiu evreev”: poiski identich-nosti na dosuge [“I have a hobby — I collect Jews”: The search for identity as a pastime]. *Teoriia mody: odezhd, telo, kul'tura*, 36, 160–223. (In Russian).
- Zelenina, G. (2022). “Ne dopuskaia na gubitel'nye puti”: evreiskoe dvizhenie i vosproiz-vodstvo neterpimosti [“Preventing from pernicious ways”: Jewish movement in the late Soviet Union and the reproduction of intolerance]. In O. V. Belova (Ed.). *Professional'ny i marginal'ny v slavianskoi i evreiskoi kul'turnoi traditsii* (pp. 179–229). Academic Studies Press; Bibliorossika. <https://doi.org/10.31168/2658-3356.2022.9>. (In Russian).

Информация об авторе

Галина Светлоярровна Зеленина
кандидат исторических наук
доцент, кафедра иудаики, Институт
стран Азии и Африки, Московский
государственный университет
им. М. В. Ломоносова
Россия, 125009, Москва, ул. Моховая,
д. 11, стр. 1
старший научный сотрудник,
Лаборатория историко-культурных
исследований, Школа актуальных
гуманитарных исследований,
Институт общественных наук,
Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ
Россия, 119571, Москва,
пр-т Вернадского, д. 82
✉ galinazelenina@gmail.com

Information about the author

Galina Svetloyarovna Zelenina
Cand. Sci. (History)
Associate Professor, Department
of Jewish Studies, Institute of Asian
and African Studies, Lomonosov
Moscow State University
Russia, 125009, Moscow, Mokhovaya
Str., 11, Bld. 1
Senior Researcher, Center for Cultural
Studies, School for Advanced Studies
in the Humanities, Institute for Social
Sciences, The Russian Presidential
Academy of National Economy and
Public Administration
Russia, 119571, Moscow, Prospekt
Vernadskogo, 82

✉ galinazelenina@gmail.com